

Российская академия наук
Институт психологии

**Теория
и методология
психологии**
Постнеклассическая перспектива

Ответственные редакторы:
А.Л. Журавлев, А.В. Юревич

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва — 2007

УДК 159.9.018
ББК88 Т33

Т33 Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. - 528 с. (Методология, теория и история психологии)

ISBN 978-5-9270-0093-7

В книге, представляющей собой сборник статей ведущих отечественных методологов психологии, рассматриваются ее наиболее актуальные методологические проблемы — как «вечные», сопровождающие психологическую науку с ее первых шагов, так и новые, обострившиеся на постнеклассической стадии ее развития. Описывается судьба ряда базовых исследовательских направлений отечественной психологии, их современное состояние и перспективы. Анализируются возможности интеграции психологии, традиционно разобщенной на различные школы и исследовательские направления, перспективы построения единой психологии в условиях легализации методологического плюрализма, характерного для современного этапа ее развития.

Книга предназначена для психологов, небезразличных к методологическим проблемам психологической науки и практики, а также для представителей смежных наук, интересующихся методологией социогуманитарного познания.

УДК 159.9.018
ББК 88

*Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 06-06-16020д*

© Институт психологии Российской академии наук, 2007

ISBN 978-5-9270-0093-7

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Часть I СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА

<i>А. Л. Журавлев</i> ОСОБЕННОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ	15
<i>Т.Д. Марцинковская</i> ПСИХОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....	33
<i>М.С. Гусельцева</i> ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ	45
<i>Д.А. Леонтьев</i> НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ВЕКТОР В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ	74
<i>Т.В. Корнилова</i> ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА, ИЛИ ЛОЖНЫЕ ДИХОТОМИИ В ПСИХОЛОГИИ.....	95
<i>В.Ф. Петренко</i> КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ ПАРАДИГМА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ.....	119
<i>А.Л. Поддьяков</i> РЕШЕНИЕ КОМПЛЕКСНЫХ ПРОБЛЕМ В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ	136
<i>С.Д. Смирнов</i> ОБРАЗ МИРА КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	157
<i>В.М. Аллахвердов</i> НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК ТРИВИАЛИЗАЦИЯ ОБОСНОВАННОЙ АХИНЕИ.....	174

Г.В. Залевский
ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ В ПСИХОЛОГИИ.....195

И.Н. Карицкий
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ПРАКТИКИ 223

Часть II ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

И.А. Мироненко
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ..... 249

В.А. Барабанищikov
ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ..... 268

Е.Е. Соколова
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО CONTRA ПЛЮРАЛИЗМ:
ШКОЛА А.Н. ЛЕОНТЬЕВА ПРОТИВ СОВРЕМЕННОЙ
ДИХОТОМИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИИ.....286

А.В. Карпов
ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕТАСИСТЕМНОГО ПОДХОДА
В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....313

В.В. Знаков
ОТ ПСИХОЛОГИИ СУБЪЕКТА — К ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
БЫТИЯ 330

А.А. Деркач
АКМЕОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ.....352

В.А. Петровский
ОБЩАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ: КОНТУРЫ И КОНТЕКСТ376

В.И. Кабрин
ТРАНСКОММУНИКАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА
ЦЕННОСТНОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА..... 396

Часть III ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИИ

Н.А. Мазилow
ИНТЕГРАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ 427

И.М. Чуприкова
ИЗ ОПЫТА ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ..... 459

И.Н. Гарбер
МЕТАПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИИ..... 484

А.Н. Юревич
ИНТЕГРАЦИЯ ПСИХОЛОГИИ: УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? 503

АВТОРЫ..... 525

НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК ТРИВИАЛИЗАЦИЯ ОБОСНОВАННОЙ АХИНЕИ

В.М. АЛЛАХВЕРДОВ

Название обязывает. Поэтому мне придется одну и ту же мысль излагать дважды: то как ахинею, т.е. как идею, кажущуюся нелепой, вздорной, бессмысленной, абсурдной, то как совершеннейшую тривиальность, т.е. как трюизм, как столь навязшую в зубах банальность, что, казалось бы, ее даже можно было бы и вовсе не упоминать. А провокационность названия лишь подчеркивает, что речь в статье при всем при этом пойдет о весьма банальных вещах.

В науке проводятся мириады исследований, но лишь ничтожно малая толика из них именуется открытиями и остается в истории. А.В. Юревич констатирует: «Наука разлила океан научной литературы, менее одного процента которой находит сколь-нибудь значительный круг читателей» (Юревич, 2001, с. 249). Н.А. Заболоцкий эту же мысль выразил поэтически: «Из миллионов птиц к светилам и зарницам едва ли вырывается одна». Открытие выделяется тем, что шокирует своей неожиданностью и контринтуитивностью. Хрестоматийна фраза Н. Бора, адресованная им более молодому коллеге: «Ваша идея не достаточно сумасшедшая, чтобы быть верной». К тому же, из банальности не вывести никаких плодотворных следствий — только по-настоящему неожиданная идея обладает эвристическим потенциалом. Но все-таки вряд ли стоит объявлять, что эффективность научной идеи характеризуется степенью ее сумасбродности. Наука — слишком рациональное занятие, чтобы несправедливым намеком на сумасшествие творца подчеркивать ее иррациональное начало. В более привычном высказывании о парадоксальности научного знания, однако, именно привычность,

Клишированность этого оборота мешает увидеть глубинную экстравагантность научного творчества. На мой взгляд, лучше использовать слово *ахинея*, которое, как иногда считается, этимологически восходит к «*афиня*» — предполагают, что так обыватели отзывались о мудрствовании афинских философов. Можно было бы, конечно, назвать ее и как-нибудь иначе, например, хохмой («мудрость» по-древнееврейски), но в этом последнем случае появляется неуместная нота иронического отношения к столь серьезному делу, каковым является наука. Добавлю, что о роли нелепицы и ахинеи в художественном творчестве мне уже довелось писать (Аллахвердов, 2001).

Однако научное открытие только тогда становится признанным достижением, когда высказанные идеи принимаются научным сообществом. Понятно, что далеко не любая ахинея является научным высказыванием. Открытие, прежде всего, должно быть обосновано. Утверждения науки отличаются от всех других утверждений тем, что они доказываются по принятым научным сообществом правилам, существующим совершенно независимо от авторов этих утверждений. Но и этого мало. Если идеи не согласуются с наличной системой знаний, то они сплошь и рядом игнорируются научным сообществом. М. Полани приводит поясняющий пример. В одном научном журнале, говорит он, были опубликованы данные, показывающие, что продолжительность беременности в днях у различных грызунов кратна числу л. Результат столь бессмысленный, уверяет Полани, что никакие доводы не смогут убедить в реальности этого соотношения (Полани, 1985, с. 201). В науке нельзя верить в абсурд, даже если этот абсурд статистически достоверен. Научное знание должно приобрести иллюзию очевидности, оно должно стать в глазах людей тривиальным и не должно противоречить уже имеющемуся знанию. В конце своего пути оно преподносится школьникам как нечто, не вызывающее никаких сомнений. (Что, конечно, заведомо неверно, ибо научное знание — это всегда сомневающееся знание.) В общем, не так просто заниматься наукой, ибо результат научного исследования призван одновременно сочетать в себе несовместное — он должен быть тривиальной ахинеей и при этом ахинеей, по всем правилам обоснованной. Видимо, существует даже особый дар превращать абсурд и ахинею в трюизм. Л.Д. Ландау отнюдь не шутил, когда называл себя гениальным тривиализатором. Соответственно, и оцениваться результат научного исследования тоже должен одновременно и по степени своей ахинеиности, и по степени своей тривиальности. Ну а если знание не обосновано, то это просто не научное знание.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ.

Оказывается, многое зависит от того, как сами авторы рассказывают о своем открытии. Дело в том, что ахинеяная мысль всегда неожиданна для автора, она совершенно внезапно освещает запутанную ранее головоломку. И, разумеется, автор чувствует свою отстраненность, личную непричастность к этой идее, ведь до внезапного появления ее в сознании не было и откуда она взялась — не известно. Поэтому зачастую даже кажется, что появление творческой идеи — вообще дело случая. О случайности собственного открытия говорили многие выдающиеся ученые, например, Б. Скиннер. По принятому канону, авторы обычно скрывают подлинную последовательность предшествовавших открытию событий, стараясь сразу тривиализировать полученный ими результат, дабы он выглядел убедительным. Тривиализация собственных идей ведет к тому, что на фоне подавляющего большинства стандартных публикаций оригинальность замысла может быть просто не замечена. Впрочем, если автор, наоборот, подчеркивает оригинальность своих идей, то слишком высок шанс непонимания и отторжения сказанного им.

Как же надо описывать исследование, чтобы можно было оценить и его обоснованность, и его тривиальность, и его ахинеяность? Мне проще всего (и, наверное, корректнее всего) проиллюстрировать и проблему, и введенные понятия на примере собственного исследования. Вначале я кратко опишу реальную хронологию исследования, приведшую его в итоге вроде бы к полной ахинее, т.е. к аномалии, нарушающей принятую систему взглядов (Аллахвердов, 1993), а затем представлю тот же результат как более-менее тривиальное следствие наличного знания (Аллахвердов, 2003).

РАЗНЫЕ ОПИСАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Акцент в пользу ахинеи. В начале 1970-х годов совершенно неожиданно для себя самого я открыл явление, названное позднее *неосознанным негативным выбором*. Однажды я решил опровергнуть распространенное в научной литературе мнение о неизбежной сукцессивности слухового восприятия и об уникальной симультанности зрительного. Я верил в принципиальное единообразие психических процессов, а значит, и в независимость их существенных характеристик от модальности. К тому же, полагал я, многовековое существование полифонической музыки — существенный аргумент в пользу возможности

существования симультанного слухового восприятия. В центре моих интересов тогда было другое — меня интересовало возникновение ошибок при решении простейших когнитивных задач. Но, будучи аспирантом, я мог позволить себе исследовать все что угодно. Объем симультанного слухового восприятия можно было измерить примерно так же, как обычно определяют объем симультанного зрительного восприятия. Впрочем, учитывая периферийность данного замысла, я поленился готовить какую-либо сложную аппаратуру, а ограничился подручными средствами. Трех знакомым музыкантам с абсолютным слухом, т.е. с умением правильно идентифицировать высоту звука с нотным обозначением, я предъявлял на рояле аккорды с просьбой воспроизвести после каждого аккорда названия входящих в него нот или (в другой серии) подобрать эти аккорды на рояле.

Три-четыре звука испытуемые обычно воспроизводили безошибочно. Но иногда — особенно при предъявлении хорошо знакомых гармонических сочетаний звуков (трезвучия и т.п.) — путали тональность, т.е. правильно опознавая само сочетание, ошибочно идентифицировали каждый конкретный звук. При высокой вероятности случайного угадывания (весь алфавит звуков темперированного строя равен 12) наличие подобных ошибок не позволяло убедительно заявить о существовании симультанного слухового восприятия. Тогда я решил предъявлять только атональные аккорды из 6 звуков. Выбор такого числа элементов позволял конструировать более разнообразные аккорды, но для данного замысла исследования он был крайне неудачен: вероятность случайного угадывания составляла уже 50%. *Позднее оказалось, что именно эта ошибка предопределила успех исследования.* Дело в том, что в каждом следующем аккорде обычно приходилось повторять два-четыре звука из предыдущего. Обычно же экспериментаторы тщательно стараются избегать подобных повторов.

Выяснилось, что испытуемые в среднем безошибочно идентифицировали 3,3 звука, что, разумеется, не позволяло говорить о симультанности слуха. Однако они отмечали, что слышат и опознают больше. Действительно, невоспроизведенный звук из предшествующего аккорда мог неожиданно ошибочно «всплыть» при воспроизведении звуков следующего аккорда, когда он не был в нем предъявлен. В качестве ошибки воспроизводились 15-20% не предъявленных в предшествующей пробе звуков (будем называть эти звуки нейтральными) и 23-34% пропущенных в предшествующем аккорде звуков (разница достоверна на 99% уровне). Но тогда, решил я, следует ожидать, что и вероятность правильного воспроизведения ранее пропущенных

звучков должна быть больше, чем вероятность правильного воспроизведения нейтральных звуков, т.е. звуков, в предшествующем аккорде не предъявлявшихся. Однако получилось строго наоборот. При словесном воспроизведении правильно воспроизводились 56% нейтральных звуков и 44% пропущенных. При подборе звуков на рояле правильно воспроизведены 71% нейтральных звуков и 53% пропущенных. Все различия достоверны на 99,9% уровне.

Я был ошеломлен. Этот результат не умещался в моей голове. Бессмыслица какая-то! Прямо как у Августина: как я могу нечто забыть и при этом помнить о том, что я забыл? Августин признает логическую невозможность осознания факта забывания, и это напрямую ведет его к идее Бога: «Каким образом я могу вспомнить то, при наличии чего я вообще не могу помнить? <...> Кто сможет это исследовать? Кто поймет, как это происходит?» (Августин, 1991, с. 251). Я же столкнулся с этой проблемой отнюдь не в результате логических или лингвистических изысканий, а непосредственно в эксперименте. Ведь для того, чтобы повторно не воспроизводить какой-нибудь звук (например, «си бемоль»), надо как-то сохранять в памяти эту самую «си бемоль» как ту ноту, которую не следует воспроизводить. Тогда в общем виде получается: для того, чтобы *устойчиво* забывать какой-нибудь предъявляемый для запоминания знак, его надо опознать и одновременно помнить, что именно этот знак не подлежит воспроизведению. Но если испытуемый и опознает, и помнит его, то почему не воспроизводит? в чем смысл забывания, если забытое заведомо должно храниться в памяти?

Может, во всем этом проявляется нечто глубинное? Ну, не нравится испытуемому из каких-то неведомых бессознательных соображений «си бемоль» — вот он и вытесняет из сознания этот звук, а потому упорно его и не воспроизводит. Как известно из психоанализа, однажды вытесненная информация не должна далее проникать в сознание в той же форме, в какой она была до вытеснения. Объяснение, конечно, невероятное: в реальности вряд ли можно найти музыкантов, предпочитающих не играть какую-то одну ноту или не использующих какую-нибудь тональность. Но самое главное — такое объяснение не соответствует полученным данным. В частности, как уже отмечалось, только что пропущенный звук чаще случайного вдруг начинает ошибочно воспроизводиться тогда, когда он не предъявляется. О каком вытеснении может идти речь?

Итак, случайно обнаружено явление, которое выглядит совершенно несуразным. Вполне можно посчитать это явление ошибочным:

экзотический стимульный материал, всего трое и притом весьма специфических испытуемых, множество неучтенных влияний (типа нестабильности предъявления аккордов на рояле), да и достаточно слабая выраженность эффекта — пропущенные звуки воспроизводятся всего лишь где-то на 15% хуже. Не лучше ли рассматривать полученные данные как курьез, аналогичный кратности времени беременности грызунов числу л? Стоит ли тратить время на проверку заведомой нелепицы? Именно здесь возникает критическая точка. Исследователь должен сделать выбор: либо допустить реальность заведомой ахинеи и начать ее разрабатывать, либо отказаться от нее как от заведомой чуши, не достойной упоминания.

Позднее в данных других экспериментаторов я находил намеки на обнаруженное мной явление, но они обычно отбрасывали эту идею как бессмысленную, лишь некоторые из них отмечали ее в примечаниях как некий странный сопутствующий результат, единицы даже предлагали способ расчета данных, позволяющий элиминировать возникающий эффект как искажающий результаты исследования. Я же решил-таки на проверку существования этого явления. Я варьировал стимульный материал, переходил от мнемических задач к сенсорным, перцептивным, арифметическим, психомоторным, в экспериментах участвовали уже сотни испытуемых — и все время наблюдалось одно и то же: однажды неосознанные знаки (незапомненные, неувиденные, невычисленные и т.д.) при выполнении повторных заданий имеют тенденцию оставаться неосознанными; повторные ошибки встречаются существенно чаще, чем случайные, при этом они делаются быстрее, чем ошибки, появляющиеся после правильных ответов.

Обоснование соответствием опыту. Мои исследования 1970—1980-х годов были направлены на проверку разных, в том числе, самых невероятных предположений, вытекающих из основной гипотезы (см.: Аллахвердов, 1993, с. 26-95).

1. Испытуемые быстро читали вслух слова и должны были отметить те из них, в которых содержатся заданные буквенные триграммы. Например, надо было выделять триграммы «лес» и «лос» в словах типа «пылесос» и «малосольный». Ошибки пропуска встречались не часто (7% случаев), но повторение пропуска той же самой триграммы в следующем же слове, ее содержащем, происходило более чем в 25% случаев. Более того, через месяц ранее сделанные ошибки пропуска повторялись в 33% случаев, новые же ошибки встречались в 5% случаев.

2. Я наблюдал, как три неопытных машинистки учились печатать на клавиатуре. Мною были проанализированы почти 16 тысяч напечатанных ими слов. Оказалось, что вероятность сделать повторную опечатку в том же самом слове в *6 раз больше* (!), чем просто вероятность совершить ошибку. Вот, для примера: одна испытуемая на с. 2 своего текста печатает слово «эсперименты»; на с. 3 — «эспериментов»; с. 6 — «экспериментов»; с. 14 — «эксперименты»; с. 16 — «экспериментав» и т.д. Еще типичные опечатки: «тоода» и «ттгда». Добавлю собственное переживание: в последнее время в процессе набора текста на компьютере я часто ловлю себя на том, что все время печатаю «осуществляется», хотя практически не делаю опечаток в похожих словах («проявляется» и т. п.).

3. При многократном и кратковременном (на 300 мс) предъявлении однотипных стимулов с задачей их опознания ошибки совершались в 29% случаев, однако неправильное опознание при следующем же предъявлении того же самого стимула происходило в 43% случаев. Еще более неожиданным оказалось то, что среднее время реакции тесно связано с числом вариантов ответа, даваемых испытуемым в ответ на предъявление данного стимула: чем больше вариантов, тем дольше время реакции. Поэтому оказывается, в частности, что правильные ответы даются быстрее ошибочных, частые одинаковые ошибки совершаются быстрее, чем редкие. Вдумайтесь, насколько этот результат нелеп сам по себе: испытуемый еще не может знать, сколько раз и как он ошибется при предъявлении именно данного стимула, но его время реакции заведомо связано с разнообразием даваемых им ответов; испытуемый не способен точно оценить, дал он правильный или ошибочный ответ, но по времени его правильные и ошибочные ответы различаются.

4. На выбор следующей задачи повлияло потрясение, испытанное мною еще в студенческие годы, когда нам был показан имбецил, умевший безошибочно переводить даты в дни недели. Неужели, задумался я тогда, имбецил может этакое делать, а нормальные испытуемые не могут, да еще и жалуются на постоянную путаницу дат и дней недели. Итак, испытуемые в ответ на предъявление даты, лежащей в диапазоне от 1920 до 1999 гг., должны были назвать день недели, соответствующий этой дате. В инструкции говорилось: «Старайтесь ничего не вычислять, прислушивайтесь к Вашему подсознанию и дайте ответ, первым пришедший в голову». Если предъявленная дата соответствовала, например, четвергу, то ответ испытуемого мог оцениваться по степени отклонения от этого дня. Так, в данном случае ответ «четверг» соот-

ветствовал отклонению 0, ответы «среда» и «пятница» - отклонению ни 1 день и т.д. до ответов «понедельник» и «воскресенье» с отклонением на 3 дня. И замысел, и, тем более, результат этого исследования трудно назвать иначе, чем ахинеей. Получилось, что вероятность повторения предшествующего отклонения достоверно (на 99% уровне) отличается от случайного; этот эффект проявился у 36 испытуемых ни 48, а наиболее выражен — при отклонениях 0 и 3.

Надеюсь, приведенные примеры побуждают задуматься над объяснением, т.е. тривиализацией найденного явления.

Путь тривиализации. Признаюсь, что процесс тривиализации описанного результата еще не закончен. В поиске объяснения я предположил существование некоего механизма, принимающего решение о том, что осознавать, а что — не осознавать. Этот механизм предназначен для решения когнитивных задач, чем весьма отличается от цензуры у Фрейда, и, надеюсь, не столь спекулятивен, как фильтры ранних когнитивистов. Главное: однажды принятые посредством этого механизма решения обладают последствием — существует тенденция повторно «сознавать то, что ранее было уже осознано (в духе гештальтистов, это можно было бы назвать последствием фигуры), и не осознавать того, что ранее уже было решено не осознавать (нечто похожее на последствие фона). Подробнее как об этом, так и об идеях других авторов, писавших или предполагавших нечто аналогичное, а также о вытекающих из подобного представления следствиях рассказано в другой моей работе (Аллахвердов, 2000). Но поскольку до превращения этой гипотезы в триумф еще весьма далеко, то здесь я ограничусь описанием лишь первого шага тривиализации и постараюсь преподнести ошеломивший меня в свое время результат в виде следствия, выводимого из очевидного знания — из хорошо известного закона.

Всем известно: для безошибочного воспроизведения большого по объему текста необходимо многократно предъявлять этот текст — все мы именно так, много раз перечитывая, заучивали в школе стихи или таблицу умножения. Все также знают, что чем больше заучиваемый текст по объему, тем непропорционально большее число раз его надо повторять. Более ста лет назад Г. Эббингауз даже установил закон: число предъявлений, необходимых для заучивания ряда, растет гораздо быстрее, чем объем этого ряда. Так, сам Эббингауз мог с одного предъявления воспроизвести 6-7 бессмысленных слогов, однако для заучивания 12 слогов ему требовалось уже 14-16 предъявлений.

Пусть испытуемый заучивает ряд из N никак не связанных между собой знаков (например, чисел, бессмысленных слогов и пр.). Допустим также, что после i -го предъявления он правильно воспроизводит только p_i из них — назовем их p -знаками. Знаки, которые он оказался не способным воспроизвести, будем обозначать как q -знаки. Таким образом,

$$N = p_i + q_i$$

Но что же на самом деле остается в памяти испытуемого? Если только p -знаки, то тогда при $i + 1$ -ом предъявлении он должен воспринимать q -знаки, до этого уже i раз предъявленные ему, как субъективно совершенно новые для него. Но это же, разумеется, не так. В противном случае, собственно, никакого заучивания как последовательности связанных между собой актов вообще не должно существовать²⁷. Да и любой человек мгновенноотреагирует, если заучиваемый им ряд изменится, даже если изменятся только до этого невоспроизведенные им знаки. Значит, помнятся не только p -знаки, но и хотя бы некоторые q -знаки. При этом после каждого следующего предъявления испытуемые гораздо лучше воспроизводят предшествующие p -знаки и почти не вспоминают q -знаков. Из 12 впервые предъявленных слогов Г. Эббингауз запоминал с первого предъявления шесть, а для заучивания шести оставшихся слогов (q -знаков) ему требовалось уже почти 15 предъявлений. Отсюда следует: не воспроизведенные ранее знаки имеют тенденцию вновь не воспроизводиться при следующих предъявлениях. Это значит, что q -знаки — это особые знаки, которые испытуемый хранит в памяти специально для того, чтобы их не воспроизводить и не осознавать. (Здесь, конечно, можно и Августина вспомнить.) Но ведь это значит, что испытуемый должен как-то специально маркировать q -знаки именно как q -знаки, чтобы отличать их от знаков, ранее не предъявлявшихся.

Попробуем эту гипотезу проверить. Будем предъявлять испытуемому каждый раз новые последовательности знаков. Если в очередную последовательность включать q -знаки, то они должны воспроизводиться существенно хуже, чем ранее не предъявлявшиеся знаки.

²⁷ Мудрый Н.А. Бернштейн высказал эту мысль еще в 1930-е годы: «Если первое воздействие не оставит после себя следа, то второе, следующее за ним, уже не будет в своем взаимоотношении с организмом "вторым" и должно будет начинать все с начала. <...> Повторение только в том случае будет повторением, если первое предъявление не прошло бесследно» (Бернштейн, 2003, с. 208-209).

Далее после сказанного уже можно естественно перейти к описанию эксперимента с музыкантами (или даже вначале описать стандартный эксперимент, где обычные испытуемые запоминают двузначные числа или дорожные знаки). Таким образом, совершенно неожиданный ахинеинский результат может быть в процессе тривиализации выдан за проверку гипотезы, дедуктивно выведенной из наличного знания. Как ни странно, это принятое в науке мошенничество. Но пока подобные фальшивки почему-то не осуждаются методологами науки.

В процессе тривиализации также желательно приводить объяснения каких-нибудь банальных явлений, на загадочность которых ранее не всегда обращалось внимания. Вот, например, обучение суммированию цифр в столбик. Если цифр много, учили нас в школе, то при их сложении возможны ошибки, а потому результат надо обязательно проверять. Однако проверять, добавляли учителя арифметики, надо *иным способом*, чем ранее было сосчитано. Так, если суммирование велось сверху вниз, то при проверке следует складывать цифры снизу вверх. Но почему? А потому, отвечали опытные преподаватели, что при повторном сложении тем же самым способом человек имеет тенденцию повторить ту же самую ошибку. Но ведь это поразительное утверждение как раз и описывает обсуждаемый феномен! Школьник складывает 2 и 3 и почему-то получает 6. Он не осознает, что сделал ошибку. Этот результат не соответствует выработанным у него автоматизмам. И, тем не менее, при повторном счете он эту же ошибку в этом же месте снова повторяет. А для повторения ошибки необходимо помнить (пусть в каком-то неосознаваемом виде), где и какая ошибка была сделана. Как иначе возможно ее повторить?

Я уверен, что описывать любой результат научного исследования надо двояко: и как ахинею, и как банальность. Только такое параллельное описание, если, конечно, исследование действительно представляет собой тривиализированную ахинею, позволит лучше понять сделанное. Проблема описания становится особенно важной, если мы хотим оценить качество исследования. Ведь здесь не обойтись без оценки степени ахинеинности развиваемых в исследовании идей (в более привычной терминологии — их неожиданности и эвристичности), их обоснованности (т.е. их соответствия опыту) и тривиальности (понятности, убедительности, непротиворечивости). Но и степень *неожиданности*, и степень *понятности* могут оцениваться, прежде всего, субъективно, исходя из ожиданий и понимания представителей научного сообщества. И то, как исследование описано самим автором, разумеется, не может не повлиять на оценку научного сообщества.

ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА В «ТРУДАХ ЯРОСЛАВСКОГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА»

Как определить, на каком уровне развития сегодня находится психологическая наука? Вначале рассмотрим типичные оценки, встречающиеся в методологической литературе, а в следующем разделе сравним их с оценкой психологических концепций с опорой на введенные критерии. Дабы не пытаться объять необъятное, в качестве примера существующих взглядов я выбрал «Труды Ярославского методологического семинара» (2004), посвященного поиску предмета психологии, где в качестве авторов собраны вместе едва ли не самые известные отечественные методологи в области психологии. Вот что они констатируют:

1. Отсутствие единой теории

Ф.Е. Василюк признает «неожиданное обилие общих психологий» и вторит Л.С. Выготскому: отсутствие единой общей психологии – симптом недоразвитости нашей науки, «своего рода уродство методологического тела психологии» (Труды ... , 2004, с. 12-13). И.П. Волков добавляет: психологическая наука расщеплена на множество не стыкуемых областей знаний о психике, «прорех в научной психологии так много, что если просветить ее на солнце, она будет похожа на решето» (там же, с. 33-34). Ю.А. Гагин: в психологии отсутствуют единый язык и единая логика объяснения (с.46). В.П. Зинченко: «психологические данные, методы, даже теории представляют собой рой, а не строй» (там же, с. 101). М.М. Кашапов отмечает как заслугу когнитивистов, что им все-таки удается объединить «разнообразные попытки что-либо измерить», но даже их «разнообразные концептуальные наработки» не удалось соединить в единую теорию (там же, с. 184). В.В. Козлов: «Современная ситуация в психологии напоминает строительство Вавилонской башни. Психологи, наполнившись намерением достичь и постичь душу и дух, в конце концов, начали разговаривать на разных языках и вся энергия < ... > ушла на глупые ссоры и исследования кирпичей, пыли и праха» (там же, с. 195).

2. Констатация непонимания главных проблем

И.П. Волков: «неуклонно нарастает теоретическая слепота и неопределенность в планировании, осуществлении²⁸ и интерпретации

²⁸ Я делаю не так уж много опечаток, но вот снова напечатал: *осуществлении...*

результатов эмпирических исследований ... Современные учебники психологии приобретают статус околонучных трактатов» (там же, с. 32). В.П. Зинченко предлагает сделать, наконец, психологию «наукой о душе, а не только наукой об ее отсутствии» (там же, с. 101-102). В.С. Ивашкин, В.В. Онуфриева: «Психологическая сущность, а также психологические механизмы возникновения и функционирования сознания до сих пор остаются неясными» (там же, с. 133). В.А. Мазилков: «Современная научная психология неудачно определяет свой предмет» (там же, с. 222). Н.В. Поддубный: «научная психология до сих пор не знает, что такое личность, не имеет единой классификации основных потребностей человека, а категориальная сетка в целом напрягает воображение» (там же, с. 267-268). Даже В.Д. Шадриков, пишущий столь уверенно, что кажется, будто ему ведома окончательная Истина²⁹, и тот проговаривается: «В свободе выбора заложена тайна психологи» (там же, с. 303). А я от себя добавлю: без понимания свободы выбора, т.е. без понимания спонтанности и произвольности сознания, никакая сколь-нибудь серьезная теория личности не может быть построена.

3. Разрыв теории и практики

Об этом авторами «Трудов ... » ранее было написано уже много. Классической стала статья Ф.Е. Василюка 1996 г., где говорилось: «Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности расщепленной личности» (Василюк, 2003, с. 199). А вот мнение В.А. Мазилова: «Психологическая практика, как это ни печально, чаще всего исходит из каких угодно теорий, но только не из концепций научной психологии» (Мазилков, 2001, с. 28). В обсуждаемом томе «Трудов...» данная тема не является популярной. И все же Ю.А. Гагин пишет: «практические психологи ориентируются больше на интуицию, чем на теорию» (Труды ... , 2004, с. 45). И.Е. Гарбер уверяет: психологи не склонны «учитывать в своих исследованиях исторические, социальные, экономические и культурные факторы, влияющие на изучаемые ими феномены» (там же, с. 50), а следовательно, не способны рассматривать эти феномены в реальном контексте. С.Д. Дерябо, И.В. Вачков вроде бы даже подчеркивают, что стратегии и алгоритмы работы психолога-практика возникают в рамках определенной психологической теории. Но далее утверждают,

²⁹ Отсутствие в тексте выраженных сомнений - это блестяще выполненный В.Д. Шадриковым стилистический прием тривиализации собственных построений.

что в разных теориях имплицитно содержится разное представление о человеке. Такое представление — это всегда ценностная модель, а «о ценностях, как известно, не спорят — их не доказывают, их выбирают!» (там же, с. 59) Тем самым выясняется, что на самом деле под психологическими теориями они понимают не научное знание, наделенное таким обязательным атрибутом, как обоснованность, а что-то совсем иное. У них не теории связаны с практикой, а некие метапозиции определяют и построение теорий, и построение практических стратегий. Пожалуй, самый сильный, хотя и не до конца мной осмысленный довод приводит В.И. Зацепин. По его мнению, описание «дяди Степы», данное молодым С. Михалковым, «выглядит более значимым в прикладном отношении», чем знаменитые эксперименты С. Милграма (там же, с. 97-98). Дальше уже некуда.

Вряд ли удивительно, что авторы в своих оценках не опираются на критерии ахинеи и тривиальности. Но они не опираются и на критерий обоснованности. Ф.Е. Василюк решает сравнить между собой теорию деятельности, теорию установки и теорию отношений. Заранее объявляется, что и философские основания этих концепций одинаковы, и «территория», объявляемая «юрисдикцией» всех этих концепций — это одна и та же территория (там же, с. 12). Но как сопоставить между собой столь разные концепции, как их «измерить» с помощью одной «меры»? Такой общей мерой, общей точкой отсчета объявляется классическая буржуазная психология, в постоянном противопоставлении с которой эти теории создавались и оформлялись (там же, с. 17). Оказывается, В.Н. Мясищев критикует старую психологию за изолированность индивида от мира людей, а А.Н. Леонтьев и Д.Н. Узнадзе — за изолированность от предметного мира. В.Н. Мясищев и Д.Н. Узнадзе подчеркивают, что нельзя рассматривать психику в отрыве от своего носителя, а А.Н. Леонтьев — от человеческой жизни и окружающего мира. Вот и измерили теории. Обоснованность, соответствие реальности даже не обсуждается как возможность такой меры.

И.Н. Карицкий упоминает еще большее количество концепций (он их называет методологическими позициями) — к уже перечисленным авторам добавляются Н.А. Бернштейн, В. Кёлер, А. Маслоу, Б. Скиннер, А.А. Ухтомский, З. Фрейд, К. Юнг и др. Резюме Карицкого следующее: говорить, что одна методологическая (читай: теоретическая) позиция лучше или адекватнее другой, — это значит уже знать, как все есть на самом деле, знать полную истину. А потому, мол, необходимо использование разных подходов, каковая позиция объявляется А.В. Юревичем методологическим либерализмом. Но почему, если

мы не знаем абсолютную истину, нельзя выбрать лучшую позицию? Почему, если ни одна политическая система заведомо не является верной, мы должны одновременно придерживаться и рабовладения, и восточной деспотии, и фашизма, и демократии? В науке всегда осуществляется³⁰ выбор. Из двух неверных с сегодняшней точки зрения теорий Птолемея и Коперника предпочтение было вполне справедливо отдано противоречащей всякому здравому смыслу (т.е. блистательно ахинеи) теории Коперника, хотя она в тот момент предсказывала астрономические данные даже хуже. И от теории флогистона отказались в пользу весьма еще несовершенной химической теории Лавуазье. Даже трудно представить, что было бы с физикой и химией, если бы этот выбор не был сделан.

А.В. Юревич утверждает: «Психологические теории - это интерпретации психологической реальности, интерпретации же неверными быть не могут. Бессмыслен и вопрос о том, какая из нескольких конкурирующих интерпретаций "более верна"» (Юревич, 2003, с. 351). Страстный оппонент эмпиризма Юревич, вкусив зачем-то запретного плода постмодернизма, нежданно стал приверженцем отвергаемой им ранее доктрины. Мол, ученый рассматривает реальность как текст, а наши теории - всего лишь последующие интерпретации этого эмпирического текста. В таком случае, разумеется, странно говорить о правильности интерпретации. Но на самом деле, и А.В. Юревич это прекрасно знает, все происходит иначе: ученый строит теории (догадки) и пытается затем созданные им заведомо несуществующие абстрактные и идеализированные конструкты (типа материальной точки, не имеющей ни длины, ни ширины) интерпретировать в терминах реальности. Таким образом, в науке не теории интерпретируют реальность, а наоборот, реальность - это естественная интерпретация теории³¹. У одной и той же теории действительно может быть несколько интерпретаций (так, одни и те же дифференциальные уравнения описывают и механические, и электрические колебательные процессы), и, разумеется, действительно бессмысленно говорить, какая из них «более верна». А вот интерпретируемость теории в терминах реальности требует доказательства, обоснования. Сами теории весьма

³⁰ Опять здесь сделал опечатку. Важно: утверждение, что я делаю в этом слове опечатку, я написал до этих своих опечаток.

³¹ Возможна также интерпретация одной теории в терминах другой. Так, математикам удалось интерпретировать геометрию Лобачевского в терминах геометрии Евклида. Это позволяет утверждать: геометрия Лобачевского столь же непротиворечива, как и геометрия Евклида.

различаются по степени обоснованности. И, судя по приведенным выше оценкам уровня развития психологического знания, обоснованность всех психологических концепций пока не слишком высока.

В.В. Козлов идет еще дальше А.В. Юревича. Он манифестирует призыв к единству психологического знания на основе принципа «полного равенства всех психологических школ и их представителей» (Труды ... , 2004, с. 206). Конечно, мне бы хотелось жить в том «психологическом сообществе взаимопонимания и взаимной поддержки», которое он предлагает создать. Но, с методологической точки зрения, это очень странный призыв. В каком смысле может идти речь о равноправии? Конечно, во всех концепциях содержится какая-нибудь «правда». Например, в концепции, что Земля по форме - блин, содержится элемент очевидной правды для любого пешехода. Даже утверждение, что психика человека похожа на трехколесный велосипед, можно интерпретировать в терминах фрейдовской триады инстанций личности. И что же - теория трехколесности равнозначна психоанализу? Ко мне (и знаю, что не только ко мне) порой приходят загадочно-невнятные письма плохо знакомых с грамматикой создателей новых психологических «теорий всего». Эти могут и школу создать. Стоит ли вместо того, чтобы направлять их на психиатрическую экспертизу, призывать их на равных правах в ряды представителей интегративной психологии, создаваемой В.В. Козловым и его единомышленниками?

И все же нужно ли единство психологического знания? Как мы видели, некоторые авторы «Трудов ... » утверждают, что нет. К ним присоединяется и такой замечательный исследователь, как С.Д. Смирнов: «Методологический плюрализм заслуживает не сожаления как неизбежное зло, а одобрения как важнейшее условие развития науки» (там же, с. 281). Однако призыв к единству, к системности, к целостности психологии все-таки встречается чаще. Главный вопрос: совместимы ли друг с другом психологические концепции? И.Н. Карицкий: «Возможно ли в конечном счете объединить различные методологические позиции (теоретические.- Б.А.) в некоторое непротиворечивое единство - это вопрос не умозрительный» (там же, с. 149). На этот вопрос уверенно отвечают С.д. Дерябо и И.В. Вачков: «Психологические теории не только противоречат, но и даже исключают друг друга» (там же, с. 59). Попытка А.В. Юревича спасти ситуацию и заявить о *несоизмеримости* различных психологических концепций (мол, они настолько о разных вещах говорят, что их даже сравнивать нельзя), как мне кажется, не полностью принимается даже сторонниками методологического либерализма.

ОЦЕНКА АХИНЕЙНОСТИ, ОБОСНОВАННОСТИ И ТРИВИАЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Оценка ахинеи психологического знания дается редко, причем даже если это происходит, она бывает крайне низкой. Так, Э. Тулвинг и С. Мэдиган утверждают, что «самые яркие и неожиданные результаты психологических исследований не смогли бы ничем удивить Аристотеля» (цит. по: Величковский, 1982, с. 251). Один из отцов когнитивной психологии У. Найссер прямо обвиняет накопленные знания в одной из самых развитых областей психологии - психологии памяти - в обыденности (т.е. в полном отсутствии ахинеи). Он пишет: студенты знают о рассказываемых им закономерностях работы памяти «задолго до того, как прослушают наши лекции». Найссер ссылается на исследование Кройцера, Леонарда и Флейвелла: сообщаемые студентам на лекциях сведения о памяти известны по собственному опыту среднему американскому третьекласснику. Все эти знания верны (т.е. обоснованы), но «фактически большая их часть,- добавляет Найссер,- знакома детям, посещающим детский сад». И резюмирует: «Если психология памяти намерена основывать свою аргументацию на подобных достижениях, тогда ей нечем особо похвалиться» (Найссер, Хаймен, 2005, с. 16).

Психологическая практика гораздо более ахинейна, чем психологические теории. Показательно использование всевозможных техник, сбивающих клиентов с толку. Одни названия чего стоят: провокационная психотерапия, шокирующая психотерапия, техника преувеличения в гештальт-терапии, разрыв шаблона в НЛП, парадоксальные интервенции (самая известная - парадоксальная интенция В. Франкла) и др. Даже стандартный призыв (приказ) психотерапевта «Будь спонтанным» сродни парадоксу лжеца: выполнить приказ и стать спонтанным можно только при отказе от выполнения любых приказов, следовательно, и данного. Лозунг многих психотерапевтических школ: лечение через осознание, т.е. открытие сознанию того, чего там до этого не было. Чем более нежданно это открытие, тем оно эффективнее. Клиенты часто благодарят психотерапевтов и тренеров именно за то, что те перевернули их сознание. В результате практическая психология сегодня оказывает большее влияние на культуру, чем теоретическая. И на кино- и телеэкранах мы регулярно наблюдаем психологов-практиков и почти никогда - теоретиков. Чем, собственно, психологи-теоретики могут удивить зрителя? Беда, однако, в том, что психологическая практика в принципе не имеет обоснования, а потому

нет критерия, позволяющего различать научные и ненаучные методы и техники, ведь, как известно, клиенту помогает все то, во что верит он, а не теоретическая психология.

Теперь рассмотрим отдельные психологические теории. Выберем для анализа три сосуществующих психологические империи (в терминологии А.В. Юревича): психоанализ, бихевиоризм и когнитивизм.

Психоанализ - концепция, конечно же, первоклассная по своей ахинеиности. В свое время она сильно взбудоражила жителей буржуазной Вены, а потом и Европы. Как известно, уже доклад З. Фрейда Венскому психиатрическому и неврологическому обществу в 1896 г. вызвал скандал. Председатель собрания назвал содержание его выступления «научными сказками», Фрейд в ответ обозвал своих критиков «ослами». Налет скандальности сопровождает психоанализ до сих пор. Однако именно ахинеиность обеспечивает эвристичность данной концепции. Психоанализ оказал огромное влияние на культуру, а сам З. Фрейд входит в десятку самых цитируемых авторов мира. В течение ста лет развитие психоаналитических построений шло по пути их тривиализации. Ничего даже отчасти сопоставимого по своей ахинеиности с позицией самого Фрейда с тех пор придумано не было. На пути тривиализации проделана гигантская работа: был создан особый язык, развивались ответвления, лишь отдаленно связанные с оригинальными положениями основателя, делались разнообразные попытки соединить психоаналитические конструкции с иными концептуальными построениями. На мой взгляд, самым выдающимся тривиализатором теории Фрейда был Э. Берн, хотя его и не приняли в психоаналитическое общество. И все же психоанализ до сих пор не тривиализован до конца, он и по сей день привлекает внимание широкой общественности своей контр интуитивностью. Отчасти это связано с высочайшей ахинеиностью психоаналитической практики. Но главное – тривиализация психоанализа во многом невозможна потому что глубинная психология не свободна от логических противоречий:

В частности, истинное бессознательное, по Фрейду, вытеснено из сознания. Но само сознание есть порождение бессознательного («поздний потомок бессознательного», скажет К. Юнг). Этот логический круг сопровождает психоанализ с момента своего возникновения и не позволяет превратить его в логический трюизм. Самое слабое место психоанализа - его обоснованность. Уже К. Поппер писал о том, что он совместим с любым мыслимым опытом, а значит, не зависит ни от какого от опыта и принципиально непроверяем. С помощью психоанализа можно объяснить все, что угодно, в том числе, абсолютно

противоположные вещи: например, клиент не согласен с психоаналитиком - это подтверждает теорию, поскольку наблюдается явно выраженное сопротивление, клиент согласен с психоаналитиком - это тем более подтверждает теорию. Большинство современных психологов рассматривают психоанализ как не более чем набор метафор. Вот, например, вывод Н. Смита: «Академическая психология в целом считает психоаналитическую теорию ненаучной» (Смит, 2003, с. 164). И все-таки психоанализ вдохновил исследователей на проведение весьма впечатляющих экспериментов по перцептивной защите и сенсбилизации. Ряд угаданных Фрейдом механизмов - например, вытеснение - признаются почти всеми, правда, без принятия предложенных им причин работы этих механизмов.

Бихевиоризм практически не содержит ахинеи. Он высоко тривиален - почти все его утверждения полностью соответствуют здравому смыслу. Видимо, нечто подобное имеет в виду В.В. Козлов («Труды...», с. 189), называя бихевиоризм - изначально здоровым учением». Когда Н. Хомский в 1959 г. писал о том, что работа Б. Скиннера доводит бихевиористские теории до абсурда, то это касалось философии исследований, а не полученных результатов. Ахинеен лишь сам призыв Дж. Уотсона и его радикального последователя Скиннера строить психологию без какого-либо описания внутренних процессов, г.е. без психики и сознания, - призыв, от которого многие необихевиористы, в конце концов, отказались. Результаты исследований впечатляли, но не шокировали. Непросто научить голубей играть в пинг-понг, но на хорошем цирковом представлении можно увидеть и не такое. На первый взгляд, утверждения бихевиористов хорошо экспериментально обоснованы, но все же об их логической стройности и непротиворечивости говорить не приходится. Стоит довести рассуждения бихевиористов до логического конца, как тут же обнаружится, что концы с концами у них не сходятся. За их *квaziтеоретическими* терминами («связь», «след» и тому подобное) не стоит наблюдаемых феноменов (вопреки их заверениям), они ничем не обоснованы и только ведут в хаос противоречий (см.: Аллахвердов, 2003, с. 104-130). Ф.Е. Василюк говорит об этом так: «Если не послушаться Скиннера и продолжить линию его экспериментов до онтологической плоскости, то там обнаружатся скандальные для правоверного бихевиоризма вещи» (Василюк, 2003, с. 116). В итоге бихевиористы постоянно встречаются с аномалиями, но «тихо их игнорируют или списывают на плохие методы» (Лихи, 2003, с. 320). У. Найссер уже в 1978 г. заявил, что бихевиоризм вообще потерпел катастрофу, а лучшее его достижение - теория научения -

почти полностью отброшена. Пусть «остатки бихевиоризма» еще сохраняются на некоторых островах, а его защитники по-прежнему источают уверенность, но «сражение, в сущности, окончено» (Найссер, Хаймен, 2005, с. 21).

Когнитивизм не представляет собой однородного явления. Это скорее совокупность разнородных концепций, объединенных не всегда явно выраженным убеждением, что все психические явления должны быть описаны в терминах логики познания и процессов переработки информации, а психика и сознание в целом представляют собой необходимый инструмент познавательной деятельности. Однако зачастую присущее когнитивистам избыточно прямолинейное представление о том, что разумные функции заданы человеку генетически, что психика «непосредственно воплощена в нервной ткани мозга», на мой взгляд, уводит их с выбранного ими пути. Многие исследователи почему-то полагают, что ответы на волнующие их проблемы надо искать в неведомом: наверное, такова структура мозга, говорят они, хотя мы ее и не знаем. Мол, позже придет нейрофизиолог и все окончательно разъяснит. Но как, например, нейрофизиологи (тем более, генетики) могут объяснить ограничения, наложенные на сознание, если никому толком не известно, что такое сознание? Ограничения чего следует объяснять? Не удивительно, что когнитивные психологи постоянно запутываются в двойственной интерпретации своих результатов. Ведь согласно их основной позиции, все обнаруживаемые ими психические явления должны объясняться логикой процесса познания, а не структурой мозга или генетическими мутациями. Однако тут же они объясняют результаты своих изящных экспериментов ограничениями структуры мозга. Не удивительно, что в другой еще более изящной серии экспериментов эти объяснения опровергаются (Аллахвердов, 2000, с. 222-240). Запутавшись, когнитивная психология стала откровенно дрейфовать в сторону эмпиризма. На заре когнитивной психологии У Найссер в книге, давшей название направлению, прямо говорит о несовместимости когнитивизма и бихевиоризма (Neisser, 1967, p. 5). Но «когнитологи второго поколения», потерявшие чистоту когнитивного замысла, стали ослаблять эту свою оппозиционность, признав бихевиоризм родственной, но просто не достаточно полной общей теорией. Когнитивные психологи получили ряд достаточно ахинейных результатов, однако в своем большинстве они касаются кратковременных процессов, протекающих менее чем за одну секунду. Хотя детали и уточнения сыплются, как из рога изобилия, но они уже не радуют, а «нагоняют сон» (Найссер, Хаймен, 2005, с. 18). обосно-

ванность частных результатов достаточно высока, но любая попытка изложить целостную картину выглядит ничем не доказанной спекуляцией. Главные достижения неплохо тривиализированы. Однако, в отличие от бихевиористов, когнитивисты все-таки разрешают себе относиться с сомнением к собственным конструкциям.

Итог этого анализа (разумеется, заведомо субъективного) в целом совпадает с данной выше оценкой положения дел в нашей науке, но позволяет увидеть картину под другим углом зрения. Отдельные хорошо обоснованные эмпирические кусочки не склеиваются в логически непротиворечивую систему даже внутри одной какой-нибудь концепции. Наиболее эвристичны частные ахинейные результаты когнитивных психологов - ввиду их обоснованности и тривиализированности. Психоанализ - самое ахинейное из всех психологических построений - содержит наиболее интересные идеи психических механизмов, которые, однако, до сих пор и не обоснованы, и не тривиализированы. Психологическая практика - как самая ахинейная часть психологического знания - ушла далеко вперед от психологической теории и с ней не сопоставима. Общая психологическая теория принципиально не может быть создана путем сложения (синтеза, интеграции) рассмотренных концепций. Думается, что выход из создавшегося положения - не призыв к абстрактному или психологически комфортному единству, а создание, обоснование и тривиализация подлинно ахинейных идей. И признание необходимости такого описания самих исследований, чтобы и их ахинейность, и их обоснованность, и их тривиальность каждому читателю была бы сразу видна.

ЛИТЕРАТУРА

- Августин Аврелий.* Исповедь. М., 1991.
- Аллахвердов В.М.* Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции). СПб., 1993.
- Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. СПб., 2000.
- Аллахвердов В.М.* Психология искусства. СПб., 2001.
- Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.
- Бернштейн Н.А.* Современные искания в физиологии нервного процесса. М., 2003.
- Васильюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М., 2003.

Часть 1. Современная психология как постнеклассическая наука

- Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология. М., 1982.
- Лихи Т.* История современной психологии. СПб., 2003.
- Мазюков В.А.* Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль, 2001.
- Найссер У. Хаймен А.* Когнитивная психология памяти. СПб., 2005.
- Полани М.* Личностное знание. М., 1985.
- Труды Ярославского методологического семинара. Предмет психологии. Ярославль, 2004.
- Смит Н.* Современные системы психологии. СПб., 2003.
- Юревич А.В.* Социальная психология науки. СПб., 2001.
- Юревич А.В.* «Методологический либерализм» и парадигмальный статус психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003.
- Neisser U.* Cognitive psychology. N.Y., 1967.